

П. П. ОХРИМЕНКО

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ НАРОДНО-ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Восточнославянские народы — русский, украинский и белорусский — издавна находятся в тесных взаимоотношениях, связаны между собой общностью происхождения и дружбой. Эта дружба закалилась в многовековой совместной борьбе с иноземными захватчиками и другими угнетателями. Общность исторических судеб и языков способствовала их взаимосвязям в области культуры.

Культурные взаимосвязи восточных славян ярко проявляются и в устно-поэтическом творчестве. В русском, украинском и белорусском фольклоре много сходного, что объясняется как его общими истоками, так и активным взаимовлиянием творчества братских народов.

Многие виды устно-поэтического творчества созданы в далеком прошлом предками восточных славян. Это касается в первую очередь трудовых песен, обрядовой поэзии, многих сказок, легенд и преданий, ряда пословиц и поговорок. Уже в древний период своей жизни восточные славяне обладали богатым и разнообразным фольклором с яркими образами и характерными художественными приемами, которые в позднейшие эпохи были творчески использованы и развиты в национальной устной поэзии русского, украинского и белорусского народов.

Родство русского, украинского и белорусского народно-поэтического творчества, сложившегося после образования трех братских народов, следует объяснять, кроме живучести традиций культуры древней Руси, постоянным общением восточных славян. Близость их языков имела особенно большое значение для взаимного усвоения произведений народного творчества.

Во многих случаях наибольшую распространенность приобрели те восточнославянские песни, в которых отражена борьба народа с захватчиками и «своими» угнетателями. Эти песни нередко переходили от одного народа к другим братским народам, способствуя активизации мотивов освободительной борьбы в народно-поэтическом творчестве в целом. Так, под непосредственным воздействием русской песни о «сынке» Степана Разина возникло украинское устно-поэтическое произведение о казаке Герасиме, в котором своеобразно чередуется прозаический рассказ с песенными отрывками¹.

Исторические песни, отражающие борьбу народа с иноземными захватчиками — татарами, турками, французами, — в ряде случаев являются общими для русских, украинцев и белорусов. Например, так называемые Азовские события (1637—1641 гг.), в которых, наряду с донскими казаками, принимали участие и запорожцы, нашли отражение не только в русском, но и в украинском фольклоре, причем украинские

¹ «Киевская старина», т. XI, 1882, стр. 245—247.

произведения о взятии Азова часто находятся в прямой зависимости от русских². Таковы же песни об Отечественной войне 1812 года.

Исключительной идейной близостью отличаются песни восточных славян, отражающие классовую борьбу трудящихся с эксплуататорами. Их любимые герои наделены сходными качествами — благородством, преданностью трудовому народу³. Это облегчало взаимопроникновение и взаимовлияние таких песен в среде русского, украинского и белорусского народов. Так, в «Пісні про Бондарівну», возникшей на правобережье Украины в XVIII в., очень привлекателен образ волевой девушки из народа, которая не унизилась перед шляхтичем Каневским, с презрением отнеслась к его домогательствам, предпочтя смерть позору. Не случайно «Пісня про Бондарівну» быстро проникла в Белоруссию, которая, как и Правобережная Украина, в XVIII в. еще терпела гнет панской Польши. При этом следует отметить многочисленность белорусских вариантов этой песни и их близость к украинским⁴.

В ряде восточнославянских песен ярко отражена борьба народа с помещиками-крепостниками. Такова украинская песня «За горою за крутою», в которой говорится о восстании (незадолго перед отменой крепостного права) крепостных пана Селивановича в с. Дорогинки на Черниговщине, закончившемся казнью жестокого помещика. Эта песня была быстро подхвачена белорусским народом. Идеологически насыщенное и поэтически целостное произведение не вызвало каких-либо существенных изменений в устной передаче братского народа, несшего такое же бремя крепостничества:

За горою за крутою
Косарі косили,
Вони в пана Саливона
Да й собі хліба просили.
Ой, косили косарики
Та й півтори неділі,
Не бачили косарики
Та й хліба ні скорици.
Ой, косили косарики
Та й радили раду,—
Та й убили Саливона
За усю громаду...⁵

За гарою за крутою
Касарыкі косяць
І в пана Сальвона
Сабе хлеба просяць.
Ой, касілі касарыкі
Паўтары нядзелі,
Не бачылі касарыкі
Хлеба ні скарыны.
Ой, касілі касарыкі
Ды забілі Сальвона
Ды радзілі раду,—
За усю грамаду...⁶

Взаимопроникновение подобных песен в эпоху феодализма и капитализма было особенно важно. Песни о классовой ненависти народа к эксплуататорам играли революционизирующую роль; они распространяли среди восточнославянских народов опыт освободительной борьбы, призывали к новой, свободной жизни.

В лирических песнях восточных славян еще отчетливее сказываются культурные взаимосвязи трех народов. Имеется ряд лирических песен, которые известны на русском, украинском и белорусском языках, при-

² См.: М. Т-ов, *Материалы и заметки об украинской народной словесности*, «Киевская старина», т. XI, 1882, стр. 230—241; А. С. Орлов, *Сказочные повести об Азове*, Варшава, 1906, стр. 106—113 и др.

³ О сходстве русских песен о Разине и Пугачеве с украинскими песнями о гайдамачине, Кармелюке, Кобылице и др. см., например, статью Г. С. Сухобрус «Основные черты общности русского и украинского народно-поэтического творчества» («Сов. этнография», 1954, № 2, стр. 61—62).

⁴ Ср., например, варианты песни про Бондарівну в следующих сборниках: «Українські народні пісні», Київ, 1951, стр. 56—58 и И. И. Носович, *Белорусские песни*, «Зап. Русск. геогр. об-ва», т. V, СПб., 1873, стр. 269—270.

⁵ «Українські народні пісні», стр. 62.

⁶ З. Бядуля, *Вера, паншчына і воля ў беларускіх народных казках і песнях*, Минск, 1924, стр. 116—117.

чем редакции их очень близки между собой. Такова, например, песня «Спится мне, младешенькой» (украинская — «Ой, пряду-пряду, спатоньки хочу», белорусская — «Божа ж мой, спаці хачу»). Как правило, в шлифовке таких песен принимали участие все три восточнославянских народа.

Особенно большое влияние на песенный репертуар украинцев и белорусов оказало русское песенное творчество. Многие русские песни, в частности солдатские и песни революционной борьбы, бытовали на Украине и в Белоруссии «в оригинале», т. е. на русском языке. Под влиянием русских песен возникло немало украинских и белорусских образцов устной поэзии.

Не вызывает сомнения зависимость старой украинской солдатской песни «Зима лютая проходить»⁷ от русской песни «Уж ты зимушка, зима»⁸. Об этом говорят их текстуальная близость и довольно частые русизмы в украинской песне («красная», «молодця», «отця» и т. п.), а также характерный для русских песен запев-зачин «Зима лютая проходить» и припев «раз-два-люле»:

Уж ты, зимушка, зима,	Зима лютая проходить,
Холодна зима была!	Весна красна настае...
Холодна зима проходить,	Гей-гей, раз-два-люле,
Лето красно настае.	Весна красна настае...
Лето красно настае,	Весна красна настае...
У солдата сердце мрет.	У солдата сердце мре.
У солдата сердце мрет —	Гей-гей, раз-два-люле,
Лето дома не живет...	У солдата сердце мре...

К названной русской песне очень близка и белорусская «Люта зімушка, зіма!»⁹. В ней, так же как и в украинской песне «Зима лютая проходить», встречаются русизмы («очэнь», «прочым» и др.).

Русские солдатские песни, конечно, легко проникали в украинскую и белорусскую устную поэзию, потому что в царской армии находилось много солдат-украинцев и белорусов. Кроме того, воинские части меняли места своего пребывания как в мирное, так и в военное время и солдатский песенный репертуар усваивался сельским и городским населением. Именно солдаты сыграли большую роль в распространении песен о Суворове, об Отечественной войне 1812 года и др.

Особенно ощутимо влияние на устную поэзию украинцев и белорусов русских революционных песен. В частности, знаменитая «Дубинушка», направленная против помещиков, капиталистов и царизма, оказала воздействие на ряд революционных украинских и белорусских народных песен. В одной из украинских песен («Зберемося ми у полі») говорится о стремлении сельской бедноты соединиться с рабочими. Каждый куплет этой песни заканчивается энергичным припевом, порожденным русской «Дубинушкой»:

Гей, дубинушко, вухнем! Зелененькая піде! и т. д.¹⁰

Русские революционные песни обогащали устную поэзию братских народов мотивами протеста и борьбы за новую, свободную жизнь, и это имело большое общественное значение.

С другой стороны, наблюдается заметное влияние на русскую устную поэзию украинских и белорусских песен. Интересен факт проникновения известной украинской народной песни «Засвістали козачень-

⁷ «Українські народні пісні», стр. 77—78.

⁸ «Русские песни», М., 1952, стр. 34.

⁹ «Пісні беларускага народа», т. I, Минск, 1940, стр. 177.

¹⁰ «Українські народні пісні», стр. 145.

ки» в русский песенный репертуар. В передаче русского народа эта песня значительно сократилась, но сохранила все характерные особенности оригинала и ряд украинизмов:

Засвистали козаченьки
В похід з полуночі,
Заплакала Марусенька
Свої ясні очі... и т. д.¹¹

Засвистали козаченьки
В поход с полуночи,
Заплакала Марусенька
Свои ясны очи... и т. д.¹²

Песня «Засвистали козаченьки» известна в нескольких русских вариантах. Ее влияние обнаруживается в любопытном образце, опубликованном в «Смоленском этнографическом сборнике» В. Н. Добровольского¹³. Только начало этой песни напоминает украинский оригинал, дальше же идут неясные упоминания об исторических событиях, связанных с именем Костюшко.

Некоторые украинские песни, в частности казацкие и чумацкие, проникли в русский фольклор непосредственно (прежде всего в смежные с Украиной районы), другие — через посредство белорусского народа. Белорусы, заимствуя многие произведения украинского фольклора, передавали их соседям, в первую очередь русскому населению Смоленщины. Именно такие образцы нередко встречаются в упомянутом выше «Смоленском этнографическом сборнике». В этом же сборнике имеется ряд песен, которые являются переходными от белорусских к русским и наоборот (соответственно переходу белорусско-русских говоров в русские и русско-белорусских — в белорусские). Такой же переход украинских песен в русские и белорусские, а русских и белорусских — в украинские наблюдается в районах смешанных говоров. Именно в этих районах наиболее сильны взаимовлияния устной поэзии всех трех восточнославянских народов. Особенно много общих песен у украинцев и белорусов, прежде всего — песен с социальным содержанием. Например:

У неділю пораненьку
Усі дзвони дзвоняць,
Осаули з нагаями
На паншчыну гоняць...¹⁴

Да ў нядзельку рана
Да ўсе званы звоняць,
Ой, ходзіць войт з кацубою
Ды на паншчыну гоніць...¹⁵

(Из песен крепостной неволи)

Такова же песня:

Та забілілі сніги,
Забілілі білі,
Ще й дібровонька...
Та заболіло тіло
Бурлацьке біле
Ще й головонька...¹⁶

Зашумелі лозы,
Ой, да белыя й бярозы,
Щчэ й дубравушка...
Забалело цело,
Ой, да салдацьке бело,
Да щчэ й голоушка...¹⁷

(Из бурлацких и солдатских песен)

Подобные примеры нетрудно умножить.

Из украинского в белорусский фольклор проникли многие так называемые казацкие и чумацкие песни. Возможно, что некоторые из них

¹¹ «Українські народні пісні», стр. 21.

¹² П. В. Киреевский, Песни, Новая серия, вып. II, ч. 1, М., 1917, стр. 94.

¹³ В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, ч. IV, М., 1903, стр. 621.

¹⁴ «Українська народна пісня», изд. 2, Київ, 1936, стр. 11.

¹⁵ «Песні беларускага народа», т. I, Минск, 1940, стр. 81.

¹⁶ «Українські народні пісні», стр. 114.

¹⁷ «Песні беларускага народа», т. I, стр. 197.

были занесены в Белоруссию еще в XVI—XVII вв. преимущественно казачьими отрядами (например, Хмельницкого), а также чумаками, приезжавшими в Белоруссию торговать рыбой и солью. Кроме того, следует помнить, что в числе запорожских казаков были представители русского, а также и белорусского народа.

Такие белорусские песни, как «Мароз» (украинская — «Пісня про Морозенка»), «У чыстым полі яліначка» (украинская — «Ой, на горі вогонь горить»), «Казака нясуць» и другие, в которых фигурирует «казак», «казачэнька», во многих случаях заимствованы из украинского народного творчества. В этом легко убедиться из сопоставления словесного материала и мелодий подобных песен¹⁸.

К белорусской чумацкой песне «Да прапіў чумак жыта» П. А. Бессонов не случайно сделал примечание: «Эта разгульная песня, из числа чумацких, довольно редких на Белой Руси, имеет множество подобных и первообразов на Руси Малой»¹⁹. Аналогичные указания встречаем и у других фольклористов. Следует отметить, что большинство белорусских чумацких песен бытовало именно в районах, соседних с Украиной.

Кроме того, в белорусский песенный репертуар органически вошли многие украинские любовные, социально-бытовые, сатирические и юмористические песни.

В свою очередь, белорусские народные песни оказали известное воздействие на устную поэзию русского и украинского народов. Как в соседних с Украиной белорусских районах часто встречаются украинские песни, так и в соседних с Белоруссией украинских районах довольно широко бытуют варианты белорусских песен. На Черниговщине популярна «Левониха» — одна из наиболее известных шуточных белорусских песен («Лявоніха»), причем украинские варианты очень близки к белорусским.

Как указывал в своих статьях еще В. П. Милорадович, многие белорусские песни занесены на Украину, в частности на Лубенщину, переселенцами²⁰. Некоторые лубенские песни ближе к подобным им белорусским, чем к украинским; в них встречаются и белорусизмы²¹. К таким песням относятся «Плаче-рида удівонька» (белорусская «Тужа-плача малодачка»), «Мала нічка-петрівочка» («У нядзелю пад панядзелак»), «Іще й півні не співали» («Яшчэ куры не пелі»), «Ой, пішли наші та рибалочки» («Паехалі да рыбалачкі»).

В процессе взаимовлияния белорусского и украинского народно-поэтического творчества, в особенности песенного, немаловажную роль сыграли также плотогоны-белорусы, издавна сплавливающие лес по Днепру. Из Украины в Белоруссию они заносили украинские народные песни, а на Украину — белорусские. Так, от плотогонов-белорусов крестьяне приднепровских сел Киевщины в конце XIX в. усвоили белорусскую песню «Свеця месяц, свеця ясны» (украинская «Ой, світи ж ти, місяченьку»), которая вскоре приобрела на Украине широкое распространение²².

Следует отметить, что на Украине, особенно в северных ее районах, многие белорусские песни исполняются на белорусском языке (например, «Чаму ж мне не пець», «Лявоніха»), а в Белоруссии в большинстве случаев в южных ее районах, многие украинские песни бытуют на украинском языке («Розпрягайте, хлопці, коні», «Копав, копав крини-

¹⁸ Более подробно об этом см. в статье автора «Українські народні пісні в Белорусії», «Народна творчість та етнографія», 1957, № 4, стр. 51.

¹⁹ Петр Бессонов, Белорусские песни, М., 1871, стр. 58.

²⁰ В. Милорадович, К вопросу о колонизации Пасуля в XVI и XVII вв. «Киевская старина», т. VII, 1899, стр. 85—89.

²¹ В. Милорадович, Снетинская старина, «Киевская старина», т. LIX, 1897, стр. 8—9.

²² Из материалов Г. Р. Ширмы.

ченьку» и другие). В России также некоторые из украинских и белорусских песен бытуют на украинском и белорусском языках.

Особую группу песенного богатства восточных славян представляют лирические песни литературного происхождения, прежде всего русские, воздействие которых с XVIII в. и до наших дней на украинское и белорусское народное творчество довольно велико. Эти песни в устном бытовании подвергались значительным переработкам. На Украине и в Белоруссии многие из них бытовали и бытуют и на русском, и на национальных языках. В качестве примера можно назвать белорусские переработки песни Е. П. Гребенки «Казак на чужбині» («Ой, як і ехау казак на даліну») ²³ и песни М. И. Ожегова «Потеряла я колечко» («Пацярала я калечка») ²⁴.

Из украинских песен литературного происхождения (дооктябрьского периода) широкое распространение получили песни Г. Г. Шевченко «Реве та стогне Дніпр широкий», «Заповіт» и другие, песни из опер «Наталка Полтавка», «Запорожець за Дунаєм», из пьес М. Л. Кропивницького. Эти песни проникали и в русский, и в белорусский фольклор, причем искони исполнялись и на украинском языке, и на языках обоих других братских народов. Немало их вошло в белорусские и русские сборники песен.

Русские революционные песни ²⁵ литературного происхождения, появившиеся в эпоху империализма и популяризовавшиеся подпольной большевистской печатью, несмотря на преследования, быстро распространялись в широких массах в пределах всей бывшей Российской империи. Эти песни при устном бытовании, конечно, несколько видоизменялись; однако благодаря партийной печати словесный материал и мелодии их заметно стабилизировались. В этом отношении очень показательны сопоставление русского и украинского текстов песен «Смело, товарищи, в ногу» («Сміло у ногу рушайте»), «Замучен тяжелой неволей» («В неволі скатований люто»), «Варшавянка» и др. ²⁶. Под влиянием русских революционных песен литературного происхождения возник ряд украинских и белорусских песен, зачастую очень близких к ним. Таковы, например, белорусские песни периода первой мировой войны «Жыў у Петраградзі адзін негадзяй» и «Ехаў із ярмаркі» ²⁷. Русский народ, ведший за собой в освободительной борьбе другие народы, постоянно оказывал на них благотворное влияние, что выразилось и в народном творчестве — в частности в сложении репертуара революционных песен украинского и белорусского народов.

В свою очередь некоторые русские революционные песни эпохи империализма были созданы под влиянием песен братских народов. Так, русская революционная песня «Беснуйтесь, тираны» была авторизованным переводом Г. М. Кржижановского в 1898 г. (во время пребывания в Енисейской ссылке) украинской революционной песни литературного происхождения «Шалійте, шалійте, скажені каті» ²⁸. Она вскоре стала одной из любимейших революционных песен всей Российской империи, в том числе и Украины, где параллельно бытовал и ее источник.

Взаимосвязи русского, украинского и белорусского народно-поэтического творчества приобрели новое значение в советскую эпоху. Великая Октябрьская социалистическая революция устранила все преграды,

²³ «Песні беларускага народа», т. I, Минск, 1940, стр. 209; Н. Чуркін, Беларускія народныя песні і танцы, Минск, 1949, стр. 130.

²⁴ Н. Чуркін, Беларускія народныя песні і танцы, стр. 138.

²⁵ См.: «Русские революционные песни», М., 1952.

²⁶ См.: «Українські народні пісні», стр. 127—134.

²⁷ «Песні беларускага народа», стр. 217.

²⁸ Г. Кржижановский, Песни борьбы, газ. «Советская культура», 22 декабря 1955 г., стр. 2.

стоявшие на пути братского общения между народами нашей страны. Это сразу же проявилось во всех областях их деятельности, не исключая и устно-поэтического творчества.

С первых же дней Советской власти песни революционного подполья как бы возродились к новой жизни — «стали исполняться с воодушевлением миллионами рабочих, а также и крестьян, заняли в ежедневном песенном и музыкальном быту народных масс самое видное место»²⁹, причем пели их как на русском, так и на других языках, в том числе на украинском и белорусском.

В годы гражданской войны возникло много новых русских, украинских и белорусских революционных песен. В ряде случаев эти песни широко использовали мелодии, словесную форму, поэтические образы и другие элементы наиболее популярных старых песен.

В советскую эпоху несравненно возросла взаимосвязь литературы и фольклора. Наиболее отчетливо это проявляется в жанре лирической песни, в особенности русской. Многие песни русских поэтов проникли в народное творчество и широко бытуют по всей нашей стране и на русском, и на других языках, а также послужили образцами для создания песен в разных республиках Советского Союза.

Белорусскими партизанами в годы Великой Отечественной войны сложены песни на белорусском и русском языках по образцу популярных русских песен («Катюша», «Крутится, вертится», «Орленок» и др.³⁰). Творчески использованы русские песни литературного происхождения украинцами («Партизанська тачанка», песня о смерти партизана Андрея и др., известные на русском и украинском языках³¹).

Русское народно-песенное творчество советской эпохи в свою очередь обогащается за счет лучших поэтических произведений украинцев и белорусов. В песенный репертуар русского народа вошли, например, белорусская песня Адама Русака «Бывайце здоровы» (в переводе М. Исаковского), песни украинских поэтов М. Рильского, П. Тычины, А. Малышко и других. Под воздействием украинской песни «Розпрягайте, хлопці, коні» в годы Великой Отечественной войны возникла русская песня «Запрягайте, хлопцы, коней»:

Запрягайте, хлопцы, коней,
Нам не время почивать,—
Полетим на поле боя
Мать-отчизну защищать...³²

Из украинского фольклора в белорусский, как и прежде, больше всего переходят песни. Некоторые традиционные украинские песни, прочно вошедшие в репертуар белорусского народа, были удачно использованы в период Великой Отечественной войны; своеобразна, например, переработка (К. Крапивы) украинской песни «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці» (Ой, не хадзі, фрыцу, дый на вечарніцу).

На Украине же бытуют многие белорусские песни литературного происхождения: «Вечоринка» и «Пісня про Ганнусю» («Алеся») Янки Купалы, та же прославленная «Колгоспницька» Адама Русака и некоторые другие. Две последние песни на Украине распространились «в народном переводе». Мастерству этого перевода могут позавидовать даже талантливые поэты-переводчики³³.

²⁹ Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1941, стр. 458.

³⁰ И. Г у т о р о в, Борьба и творчество народных мстителей, Минск, 1949, стр. 78—200, 231 и др.

³¹ «Українська народна поезія про Велику Вітчизняну війну», Київ, 1953, стр. 133—134, 137—139.

³² Записано автором.

³³ Анализ «Пісні про Ганнусю» и «Колгоспницької» дан автором в другой статье (см.: П. А х р ы м е н к а, Белорусская песня на Украине, «Полымя», 1955, № 7, стр. 149—152).

В усилении взаимодействия советского народно-песенного творчества русских, украинцев и белорусов, как и других народов СССР, важная роль принадлежит радио, кино, печати. Фольклорные произведения (особенно в переводах) быстро подхватываются другими народами и становятся достоянием их культуры. Большое значение имеют также концерты хоровых коллективов в братских республиках и праздники дружбы народов.

Как видим, взаимосвязи русского, украинского и белорусского народно-песенного творчества способствовали и способствуют развитию и обогащению песенной культуры восточных славян. В этом отражается искони существовавшая дружба между братскими народами, наиболее полно раскрывшаяся в советскую эпоху благодаря тесной солидарности народов Советского Союза.

SUMMARY

The common origin, common historical destiny and languages of the Eastern Slavs promoted close interaction in the field of culture, including folklore. The rich and diverse folklore which emerged in the early period of the Eastern Slavs' development was later made creative use of and carried further in the national oral poetry of the Russians, Ukrainians and Byelorussians. The affinity of their folklore which arose after the formation of the three fraternal peoples is to be explained, apart from the vitality of Old Russian cultural traditions, also by the constant intercourse between the Eastern Slavs. In view of the common pattern of historical development, widely current were songs that reflected the people's fight against alien invaders and against oppressors «of their own», and subsequently, revolutionary songs, often having a literary source.

Assimilated were also the songs of those occupational groups whose trades necessitated long travel (chumak carters, rafters, etc.). Soldier's songs, too, were easily spread.

The interconnections between the Russians, Ukrainians and Byelorussians acquired new import in the Soviet period, when all barriers on the way to their intercourse were eliminated. The links between folklore and literature became consolidated. The radio, the cinema and the press came to play an important part in the interaction of Eastern Slav folklore. Studying the pattern of mutual influences in the oral poetry of the three fraternal nations is one of the primary tasks of Soviet folklore specialists.
